

В. ИВАНОВ **ЗАВЕТЫ СИМВОЛИЗМА**¹

...В стихотворении «Поэт и Чернь» Пушкин изображает поэта посредником между богами и людьми:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Боги «вдохновляют» вестника их откровений людям; люди передают через него свои «молитвы» богам; «сладкие звуки» - язык поэзии - «язык богов». Спор идет не между поклонником отвлеченной, внежизненной красоты и признающими одно «полезное» практиками жизни, но между «жрецом» и толпой, переставшей понимать «язык богов», отныне мертвый и только потому бесполезный. Толпа, требующая от Поэта языка земного, утратила или забыла религию, и осталась с одною утилитарною моралью. Поэт - всегда религиозен, потому что - всегда поэт; но уже только «рассеянной рукой» бряцает он по заветным струнам, видя, что внимающих окрест его не стало.

Напрасно видели в этом стихотворении, строго выдержанном в стиле древности, не знавшей формулы «искусство для искусства», провозглашение прав художника на бесцельное для жизни и затворившееся от нее в свой обособленный мир творчество. Пушкинский Поэт помнит свое назначение - быть религиозным устройтеlem жизни, истолкователем и укрепителем божественной связи сущего, теургом. Когда Пушкин говорит о Греции, он воспринимает мир как эллины, а не как современные эллинизирующие эстеты: слова о божественности бельведерского мрамора - не безответственное, словесное утверждение какого-то «культы» красоты в обезбоженном мире, но исповедание веры в живого двигателя мирозидительной гармонии, и не риторическая метафора - изгнание «непосвященных».

Задачею поэта была заклинательная магия ритмической речи, посредствующей между миром божественных сущностей и человеком. Напевное слово преклоняло волю вышних царей, обеспечивало роду и племени подземную помощь «вспетого» героя, предупреждало о неизбежном уставе судеб, запечатлевало в незыблемых речениях *gemata* богоданные законы нравственности и правового устройства и, утверждая богопочитание в людях, утверждало мировой порядок живых сил. Поистине, камни слагались в городские стены лирными чарами, и, помимо всякого иносказания, ритмами излечивались болезни души и тела, одерживались победы, умирялись междоусобия. Таковы были прямые задачи древнейшей поэзии - гимнической, эпической, элегической. Средством же служил

¹ Прочитан 26 апреля 1910 г. В Петербургском Обществе ревнителей русской словестности. *Sobranie sochinenii*. 3 vols. Edited and with an Introduction by O. Decharte. Brussels, 1971-1979, vol. 2.

«язык богов» как система чаровательной символики слова с ее музыкальным и оркестрическим сопровождением, из каких элементов и слагался состав первоначального, «синкретического», обрядового искусства.

Воспоминание символизма об этой почти незапамятной исторически, но незабвенной стихийною силою родового наследья поре поэзии выразилось в следующих явлениях:

- 1) в подсказанном новыми запросами личности новом обретении символической энергии слова, не поработанного долгими веками служения внешнему опыту, благодаря религиозному преданию и охранительной мощи народной души;
- 2) в представлении о поэзии как об источнике интуитивного познания и о символах как о средствах реализации этого познания;
- 3) в намечающемся самоопределении поэта не как художника только, но и как личности - носителя внутреннего слова, органа мировой души, озаменователя сокровенной связи сущего, тайновидца и тайнотворца жизни.

Немудрено, что темы космические стали главным содержанием поэзии; что мимолетные и едва уловимые переживания приобрели отзвучие «мировой скорби»; что завещанное эстетизмом утончение внешней восприимчивости и внутренней чувствительности послужило целям опыта в поисках нового миропостижения, и само познание прозрачности явлений предстало как мировая трагедия уединенной личности.

Оценка русского «символизма» немало зависит от правильности представления о международной общности этого литературного явления и о существе западного влияния на тех новейших наших поэтов, которые начали свою деятельность присягою в верности раздававшемуся на Западе многозначительному, но и многосмысленному кличу. Ближайшее изучение нашей «символической школы» покажет впоследствии, как поверхностно было это влияние, как было юношески непродуманно и, по существу, малопродуктивно заимствование и подражание, и как глубоко уходит корнями в родную почву все подлинное и жизнеспособное в отечественной поэзии последних полутора десятилетий.

Короткий промежуток чистого эстетизма, нигилистического по мирозерцанию, эклектического по вкусам и болезненного по психологии, отделяет возникновение так называемой «школы символистов» от эпохи великих представителей религиозной реакции нашего национального гения против волны иконоборческого материализма. Оставляя вне рассмотрения надолго определившее пути нашего духа творчество Достоевского, как не принадлежащее сфере ритмического слова, напомним родные имена Вл. Соловьева и певца «Вечерних огней», - двух лириков, которым предшествует в преемстве символического предания нашей поэзии, по умоначертанию и художественному методу, Тютчев, истинный родоначальник нашего истинного символизма.

Тютчев был не одинок как зачинатель течения, предназначенного - мы верим в это

- выразить в будущем заветную святыню нашей народной души. Его окружали - после Жуковского, на лире которого русская Муза нашла впервые воздушные созвучия мистической душевности, Пушкин, чей гений, подобный алмазу редчайшей чистоты и игры, не мог не преломить в своих гранях, где осветилась вся жизнь, и раздробленные, но слепительные лучи внутреннего опыта; Боратынский, чья задумчивая и глухо-торжественная мелодия кажется голосом темной памяти о каком-то давнем живом знании, открывавшем перед зрячим некогда взором поэта тайную книгу мировой души; Гоголь, знавший трепет и восторг второго зрения, данного «лирическому поэту», и обреченный быть только испуганным соглядатаем жизни, которая, чтобы скрыть от его вещего духа последний смысл своей символики, вся окуталась перед ним волшебным-зыблемым покрывалом причудливого мифа; наконец, серафический (как говорили в средние века) и вместе демонический (как любил выражаться Гете) Лермонтов, в гневном мятеже и в молитвенном умилении равно томимый «чудным желаньем», тоской по таинственному свиданию и иным песням, чем «скучные песни земли», - Лермонтов, первый в русской поэзии затрепетавший предчувствием символа символов - Вечной Женственности, мистической плоти рожденного в вечности Слова.

Но было бы неправильно назвать этих поэтов, на основании вышенаблюденных мотивов их лирики, символистами, подобно Тютчеву, в теснейшем значении этого слова, - поскольку отличительными признаками чисто символического искусства являются в наших глазах:

1) сознательно выраженный художником параллелизм феноменального и ноуменального; гармонически найденное созвучие того, что искусство изображает как действительность внешнюю (realia), и того, что оно провидит во внешнем как внутреннюю и высшую действительность (realiora), означенное соответствий и соотношений между явлением (оно же - «только подобие», «nur Gleichniss») и его умопостигаемой или мистически прозреваемой сущностью, отбрасывающей от себя тень видимого события;

2) признак присущий собственно символическому искусству и в случаях так называемого «бессознательного» творчества, не осмысливающего метафизической связи изображаемого, - особенная интуиция и энергия слова, каковое непосредственно ощущается поэтом как тайнопись неизреченного, вбирает в свой звук многие, неведомо откуда отозвавшиеся эхо и как бы отзвуки родных подземных ключей - и служит, таким образом, вместе пределом и выходом в запредельное, буквами (общепонятным начертанием) внешнего и иероглифами (иератическою записью) внутреннего опыта.

Исторической задачей новейшей символической школы было раскрыть природу слова как символа и природу поэзии как символики истинных реальностей. Не подлежит сомнению, что эта школа отнюдь не выполнила своей двойной задачи. Но несправедливо было бы отрицать некоторые начальные ее достижения, по преимуществу в границах первой части проблемы, и, в особенности, значение символического пафоса в переживаемом нами всеобщем сдвиге системы духовных

ценностей, составляющих умственную культуру как мирозерцание...

До сих пор символизм усложнял жизнь и усложнял искусство. Отныне, если суждено ему быть, - он будет упрощать. Прежде символы были разрознены и рассеяны как россыпь драгоценных камней (и отсюда проистекало преобладание лирики); отныне символические творения будут подобны символам-монополитам. Прежде была «символизация»; отныне будет **simvolika**. Цельное мирозерцание поэта открывает ее в себе, цельную и единую. Поэт найдет в себе религию, если он найдет в себе связь. И «связь» есть «обязанность».

В терминах эстетики связь свободного соподчинения значит: «большой стиль». Родовые, наследственные формы «большого стиля» в поэзии - эпопея, трагедия, мистерия: три формы одной трагической сущности. Если символическая трагедия окажется возможной, это будет значить, что «антитеза» преодолена: эпопея - отрицательное утверждение личности, чрез отречение от личного, и положительное - соборного начала; трагедия - ее увенчание и торжество чрез прохождение вратами смерти; мистерия - победа над смертью, положительное утверждение личности, ее воскресение. Трагедия - всегда реализм, всегда - миф. Мистерия - упразднение символа как подобия и мифа как отраженного действия; восстановление символа как воплощенной реальности и мифа как осуществленного «Fiat» - «Да будет!..».

В заключение несколько слов к молодым поэтам. В поэзии хорошо все, в чем есть поэтическая душевность. Не нужно желать быть «символистом»; можно только наедине с собой открыть в себе символиста, - и тогда лучше всего постараться скрыть это от людей. Символизм обязывает. Старые чеканы школы истерлись. Новое не может быть куплено никакою другою ценой, кроме внутреннего подвига личности. О символе должно помнить завет: «Не приемли всуе». И даже тот, кто не всуе приемлет символ, должен шесть дней делать, - как если бы он был художник, вовсе не знающий о «realiora», и сотворить в них все дела свои, чтобы один седьмой день недели отдать в вышеистолкованном, торжественном смысле,

- для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

1910